

Самсонова Тамара Петровна

ЭЛЕМЕНТЫ ЯКУТСКОГО ФОЛЬКЛОРА В ТВОРЧЕСТВЕ И. П. НИКИФОРОВА

Статья посвящена рассмотрению творчества якутского прозаика И. П. Никифорова с точки зрения влияния фольклора на формирование индивидуально-авторского стиля. В ходе анализа произведений выявлены как традиционные канонические тексты, так и их авторские вариации. Фольклорная поэтика архаичных жанров, использованных в творчестве писателя, имеет также этнографический контекст.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2013/4-1/50.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2013. № 4 (22): в 2-х ч. Ч. I. С. 178-180. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2013/4-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_phil@gramota.net

УДК 821.512.157:398

Филологические науки

Статья посвящена рассмотрению творчества якутского прозаика И. П. Никифорова с точки зрения влияния фольклора на формирование индивидуально-авторского стиля. В ходе анализа произведений выявлены как традиционные канонические тексты, так и их авторские вариации. Фольклорная поэтика архаичных жанров, использованных в творчестве писателя, имеет также этнографический контекст.

Ключевые слова и фразы: фольклор; якутская литература; Никифоров; обрядовая поэзия; сказка; паремия; предания.

Самсонова Тамара Петровна, к. филол. н.

*Институт гуманитарных исследований и проблем народов Севера СО РАН
tomas2707@mail.ru*

ЭЛЕМЕНТЫ ЯКУТСКОГО ФОЛЬКЛОРА В ТВОРЧЕСТВЕ И. П. НИКИФОРОВА®

Процесс восстановления полного спектра отечественной литературы – одна из актуальных проблем современного литературоведения. С установлением новых фактов истории осознание недостаточности оценок и необходимости переосмысления определяет новый подход к изучению творчества тех, кто стоял у истоков национальной литературы и творил в прошлом столетии. В этой связи все настойчивее заявляет о себе тенденция растущего интереса к тем писателям, чьи имена долгие годы находились в забвении и перешли в разряд «забытых».

При кажущемся большом объеме и многогранности исследований литературных персоналий Якутии, жизнь и творчество талантливого прозаика, автора более десяти сборников рассказов и повестей, участника Великой Отечественной войны Исаея Прокопьевича Никифорова (1915-1976) оказались вне серьезного аналитического изучения. Будучи потомком государевых ямщиков (по линии матери), заселявших Приленье с XVII в., он в своих художественных текстах отразил этнокультурную адаптацию русского крестьянства в условиях Северного края, восприятие многих местных традиций, наличие билингвизма и бикультуризма.

В данной статье предпринимается попытка рассмотреть фольклорную поэтику произведений И. П. Никифорова. Прежде всего, заметим, что фольклор в его творчестве несет определенную выраженную стилистическую нагрузку. Даже самый беглый анализ произведений показывает, что данный пласт культуры народа саха был хорошо знаком писателю. Наибольший интерес для нас представляет обрядовый фольклор, занимающий одно из значительных мест в художественном творчестве И. П. Никифорова. Фольклор (фольклорные тексты) и этнографические явления (этнографический материал) сильнее всего обнаруживают себя на уровне *прагматики*, когда текст рассматривается в его реальном, ситуативном, персональном, локализованном во времени и пространстве функционировании. «Теснее всего связаны друг с другом так называемый обрядовый фольклор и сам обряд» [10, с. 119]. К примеру, в повести «Олох иһин охсуһуу» («Борьба за жизнь», 1959) действие и слова героя Митьки составляют неразрывное единство при исполнении фольклорного текста: «*Олохпун-дьаһахпын билэргэ, кэлэр дьылҕабын быһаарарга от атах оһордум! Натааны Сиидэр Бааската ойох ыла илэк буоллаҕына, от атах тэй!*» [7, с. 53] (Чтобы узнать свою дальнейшую судьбу, определить свое будущее, изготовил «травяную ножку». Если Васька, сын Сидора, еще не женился на Нате, травяная ножка, пошевелись!) (*перевод наш – Т. С.*). В данном случае речь идет о старинной якутской игре – гадании при помощи фигурки человека, сделанной из тальниковых прутьев и травы. В эпизоде видно, что именно прагматика фольклорного текста делает его этнографическим и приближает к собственно этнографическим обрядовым формам. Далее в повести «Илин былдьаһыы» («Состязание», 1971) приводится действие помощника шамана при камлании, сопровождающееся следующими словами: «*От сэбирдэҕин уокка кэрээтэ уонна сиргэ сытар Тоотоххо илдьэн сыллатта: Ньыгыл-ньыгыл, өлбөт мэнэ уутугар угуттанан ууммут от. Ньыгыл-ньыгыл, аллараа дойдуттан таһаарыллыбыта. Ньыгыл-ньыгыл, сыллаа, тур. Ньыгыл-ньыгыл, тур, сыллаа!*» [5, с. 207] (Опалив на огне лист некоей травы, он поднес его к носу лежащего без сознания Тотоха: Ныгыл-ныгыл, пропитанная живой водой исцеляющая трава! Ныгыл-ныгыл, доставленная из Нижнего мира. Ныгыл-ныгыл, вдохни и встань! Ныгыл-ныгыл, встань и вдохни!) (*перевод наш – Т. С.*).

Гораздо менее «прагматичны» так называемые повествовательные жанры фольклора. Но все-таки и они имеют свой этнографический контекст или оттенок. Исторически отпочковавшаяся из состояния синкретизма в отдельную жанровую разновидность сказка о животных сохранила «открытость» ко всякого рода взаимодействиям не только между собой, но и с другими жанрами фольклора. Многие легенды и мифы в результате творческого переосмысления трансформировались в *этиологические* сказки, объясняющие особенности и повадки отдельных животных. Сходство ситуаций, общность сюжетов, морально-назидательное содержание роднит их с баснями, притчами, новеллистическими рассказами и пословицами. В фольклористике их называют *сказками-апологами*.

В отдельных сюжетах якутских сказок-апологов о тотемных животных-предках отражены давно забытые древние верования и обычаи наших предков, которые пусть в весьма трансформированном виде, но все же

несут в себе уникальную информацию. Далее следует отметить, что данная литературная модификация устного народного творчества наиболее полно автором раскрывается в произведениях, посвященных детям младшего школьного возраста. Приспосабливаясь к детской аудитории, познавательность становится основным требованием в авторской интерпретации сказочных сюжетов о животных.

В сказке «Ким ордугуй?» («Кто лучше?», 1962) птицы и насекомые, слетевшиеся на опушку леса, чтобы решить извечный спор, кто же из них больше пользы приносит людям, одушевлены и очеловечены. Присутствующий в сказке национальный колорит, близкий и понятный маленькому слушателю, позволяет создавать ощущение реальности событий. Это и комар, пригоняющий к дымокурам и загонам наших оленей и коров, которые в противном случае разбрелись бы по бескрайней тундре, лесам и лугам в поисках сочной травы и грибов: «*Биһиги, кумаардар, суохнут эбитэ буоллар – ынахтар ыаммакка төһөлөөх ыам көтүөх, ноцоот тахсыах этэй?!*» («Мы также помогаем человеку их вовремя доить; не будь нас – сколько потерялось бы молока!» – заключает свое выступление комар) (перевод Л. Л. Габышева). И действительно убеждаешься в том, что каждый из них – и летучая мышь, и ворон, и ворона, и кукушка, и дикий голубь, и дятедьелна, и полярная сова, и коршун, и бабочка, и ласточка, и пчела – приносит человеку свою пользу. Мораль сказки заключается в обращении писателя к детям: «*Күндү оҕолоор! Сир үрдүгэр, үлэ килитигэр ким бэрдин, ким ордук элбэх үтүөлээҕин-өһөлөөбүн бэйэбит быһаарыҥ, толкуйдааҥ*» [6, с. 15] (Дорогие ребята! Подумайте хорошенько, кто же из крылатых прав. Если вы любознательны и будете наблюдать, как они живут и какие у них повадки, то сами решите этот спор) (перевод Л. Л. Габышева).

Исходя из того, что И. П. Никифоров жил и творил в советское время, во многих произведениях писателя фольклорные сюжеты обычно получали не только назидательную, воспитательную направленность, но и классовую. Народная мечта о лучшей доле, где добро побеждает зло, где торжествуют правда и справедливость, звучит в сказке-притче о жадном богаче и бедном старце-рыбаке Сиксирики в повести «Состязание» (1971). Младенец в берестяном коробе со всем своим приданым достается не Барыс Баай, а бедной старушке, искренне пожелавшей взять ребенка на воспитание.

Процесс актуализации фольклорного жанра связан, прежде всего, с характером отражаемых событий. Сказочные мотивы, нехарактерные для военной прозы тех лет, оказались уместны в повести «Саллааттар» («Солдаты», 1944, 1964). В произведении были умело модифицированы образы воинов-якутян, прославившихся на фронтах Великой Отечественной войны своей меткостью в стрельбе. Ностальгические мотивы в устах героя Догурова вылились в сказку о «Красавице Маайыстаан», где девушка досталась не богатым женихам, а бедному охотнику – меткому стрелку [4].

Что касается преданий, которым чужды обрядность и словесная орнаментика, то И. Никифоров вернул им священный поэтический смысл, соединив их со всем кругом единой жизни природы и людей. Повесть «Быһый уол» («Быстроногий мальчик», 1967) начинается с прилета пуночек – первых вестников весны. Включение автором предания об орле и пуночках в действие повести не случайно. Антитеза здесь заявлена уже в самом начале повествования. «*Хотой кыстаабыт сириттэн тулугу кытта саас бииргэ кэлэр. Киһи ахсын үөртэн иккилиһи-үстүү тулугу тутан ылан үссэнээччи. Айанныр кэмигэр онон ыһыктанар*» [5, с. 6] (Орел при перелете с юга на север следует за многочисленной стаей маленьких пуночек. В пути каждый вечер съедает по две-три пуночки. Таким образом, они для него служат припасами в дорогу) (перевод наш – Т. С.). Автор этим как бы подчеркивает взаимную отчужденность миров богачей и бедняков.

Интересны предания о силаче Хоччохой Хонооһой, скромном, немногословном, объясняющем непомерную свою силу всего лишь стечением обстоятельств: «*Бадараан ньылбырхай буолбат дуо? Ньылбырхайга бары-барыта чэпчэки буолааччы*» [Там же, с. 92] (Грязь ведь скользкая? На скользком все вытаскивается без особых усилий) (перевод наш – Т. С.) либо: «*Сайын сарыы сону кэтиллиэ суохтаах. Сарыы таныс чичгэскэ наһаа сымныыр, онон киһи тутарын тулуйааччыта суох*» [Там же, с. 93] (Летом ровдужное пальто нельзя надевать. Замша в жаркую погоду становится мягкой, поэтому сильно растягивается) (перевод наш – Т. С.) или: «*Сайын сир ирэр, ириэнэх кырыс сымнаҕас буолар*» [Там же] (Летом земля оттаивает, поэтому дерн с поверхности почвы легко сдвигается) (перевод наш – Т. С.).

Локальные предания о людях, запомнившихся своему поколению сверхъестественными способностями, поступками, в творчестве И. Никифорова помогают раскрывать особенности жизни и быта населения Приленья. Народные мудрецы – предсказатели, провидцы, толкователи снов – старик Ичээн («Солдат всегда солдат», 1967), целитель Саҕар («Состязание», 1971), костоправы Дьэллик («Золотая лихорадка», 1973), Чыккыы («Состязание», 1971), шаман Тоотох, гадалщик Дороппуун, картежник Көгүпэт («Состязание», 1971) и др.

Народные песни из повести «Состязание» (1971), а также приметы, поверья, заклинания-проклятия, встречающиеся в творчестве И. Никифорова, придают повествованию образную завершенность и несут символическую нагрузку. Например: уголек, соскочивший с горящего камелька на стол, сулит хозяевам большую удачу («Быстроногий мальчик») [Там же, с. 32]; обильное цветение подснежников говорит о том, что зайцы нагуляют жир («Чернобурье») [4]; птичка у воды – к сильному дождю («Золотая лихорадка») [9]; *эргийдэххинэ – иэччэҕин эчэйдин, хайыстаххына – хаалдыгыҥ хайыннын!* («Быстроногий мальчик») [5, с. 41] (Обернешься – суставы пострадают, повернешься – шею сломаешь) (т.е. уходи безвозвратно, покидай навсегда) (перевод наш – Т. С.).

При анализе функционирования народно-афористической системы, как единодушно отмечают паремнологи, именно в пословицах, поговорках и фразеологизмах особенно ярко проявляется народный менталитет. Представляя собой обширный материал для исследований, они позволяют реконструировать не только

значимое для языкового социума знание о мире, но и описать способы образного видения этого знания, выявить национальное своеобразие мировосприятия. Ведь «пословица, как правило, используется с целью убеждения собеседника и отсылает к некоторой общей истине или моральной норме, она ориентирована на социальные отношения» [1, с. 16].

Якутские пословицы и фразеологизмы в произведениях писателя представлены как в традиционной форме, так и в диалектных вариантах Приленья: *кырдыаҕаһы хааһаха хаалаан сылдыан сүбэлэт* (носи старца на спине в суме и спрашивай у него совета) (т.е. молодым полезно прислушиваться к советам стариков) [8, с. 31] (*перевод наш – Т. С.*); *эриэн ыт элгэр, күөрт ыт күлүүтүгэр бардаҕым* [5, с. 61] (статья посмешищем для пестрой и желтовато-серой собаки, т.е. быть объектом всеобщих насмешек) (*перевод наш – Т. С.*); *кулгаах ырааҕы истихтээх, харах ырааҕы көрүөхтээх* [Там же, с. 78] (уши должны слышать далекое, и глаза должны видеть далекое) (*перевод наш – Т. С.*) (ср. *кулгаах ырааҕы истэр, харах чугаһы көрөр* (ухо слышит далекое, глаз видит близкое)) [2, с. 137]; *туора харахтаах көрбөтүн, хаптаҕай кулгаахтаах истибэтин, уһаты уллунахтаах сылдыбатын* [5, с. 165] (пусть не увидит посторонний глаз, пусть не услышит плоскоухий, пусть не ступает, имеющий плоские ступни, т.е. пусть это никому не будет известно) (*перевод наш – Т. С.*) (ср. *хаптаҕай кулгаахтаах истибэтин, хара харахтаах көрбөтүн* (пусть не услышит, имеющий уши, пусть не увидит, имеющий глаза)) [3, т. II, с. 332]; *көппөх анныттан күдэн көтөр, саах анныттан алдархай тахсар* [5, с. 64] (из-под мха легкой дымок поднимается, из-под навоза несчастье появляется) (т.е. беда может случиться рядом и в любую минуту) (*перевод наш – Т. С.*); *танараҕа талахтаммыкка дылы* [Там же, с. 77] (словно угрожать богу тальниковым прутиком) (о бессильной угрозе) (*перевод наш – Т. С.*) (ср. *танараҕа мастаммыкка дылы* (словно палкой грозиться небу (богу)) (т.е. храбриться перед слишком сильным противником)) [3, т. II, с. 178]; *кыһалҕалаах тыллаах, эриирдээх этиллээх* [5, с. 105] (имеющий язвительную речь, иносказательные высказывания) (*перевод наш – Т. С.*); *харыс ханнан, сүөм төннөн сылдыар* [Там же, с. 98] (приостановился на пядь, возвратился (вернулся) на четыре вершка) (т.е. сильно огорчаться, падать духом) (*перевод наш – Т. С.*) (ср. понизился на пядь, уменьшился на четыре вершка) [3, т. II, с. 354]; *ааһар быллыт албына, куотар быллыт кубулҕата* [5, с. 150] (хитрец проходящего облака, лицемер уходящего (убегающего) облака) (т.е. пройдоха, плут, мошенник) (*перевод наш – Т. С.*); *көмүс – күн киһитин көлөһүнүн уута, айыы киһитин хараҕын уута* [Там же, с. 106] (золото – пот и слезы людей племени айыы (светлого мира)) (*перевод наш – Т. С.*).

В творчестве И. Никифорова классические и авторские загадки рассматриваются как равноправные репрезентанты современного мировосприятия: *Турдарбын халлаанна тийиэм этэ диир баар үһү (суол)* (встану – до неба дотянусь (достану)) (*дорога*); *түүнүн тубүгүрэр, күнүһүн утуйар (модьугу)* (ночью хлопочет, днем засыпает) (*сова*); *иһирдэ – кулаачык, таһырдыа – кулаачык (ыт)* (в доме – калачиком, снаружи – калачиком) (*собака*) [Там же, с. 160-161] (*перевод наш – Т. С.*).

Таким образом, анализ произведений И. П. Никифорова отчетливо демонстрирует, что использование фольклорных текстов во многом предопределило формирование поэтики писателя и свидетельствует о стремлении автора к постижению глубин национального художественного мира, его этнопоэтического богатства, к поиску новых эстетических идей, создающих в произведениях специфическую пульсацию.

Список литературы

1. Журицкий А. Н. Загадки народов Востока: систематизированное собрание. М.: ОГИ, 2007. 536 с.
2. Кулаковский А. Е. Научные труды. Якутск: Кн. изд-во, 1979. 484 с.
3. Нелунов А. Г. Якутско-русский фразеологический словарь. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2002. Т. 1. 287 с.; Т. 2. 420 с.
4. Никифоров И. П. Икки сэйэн (Две повести). Якутск: Якуткнигоиздат, 1965. 256 с.
5. Никифоров И. П. Илин быдыаһы (Состязание). Якутск: Бичик, 2006. 240 с.
6. Никифоров И. П. Клин ордугуй? (Кто лучше?). Якутск: Якуткнигоиздат, 1962. 16 с.
7. Никифоров И. П. Олох иһин охсуһуу (Борьба за жизнь). Якутск: Як. кн. изд-во, 1959. 211 с.
8. Никифоров И. П. Суор кыланар сиһигэр (В тайге дремучей). Якутск: Якуткнигоиздат, 1970. 208 с.
9. Никифоров И. П. Сүрэх кэпсиир (Сердце говорит). Якутск: Кн. изд-во, 1974. 344 с.
10. Толстая С. М. Фольклор и этнолингвистика // Первый Всероссийский конгресс фольклористов: сб. докладов. М.: Государственный республиканский центр русского фольклора, 2005. Т. 1. С. 118-132.

YAKUT FOLKLORE ELEMENTS IN CREATIVE WORKS OF I. P. NIKIFOROV

Samsonova Tamara Petrovna, Ph. D. in Philology

Institute of Classical Researches and Problems of Peoples of the North of the Siberian Branch of Russian Academy of Sciences
tomas2707@mail.ru

The author considers the creative works of Yakut prose writer I. P. Nikiforov in the terms of folklore influence on the formation of individual-authorial style, in the course of the analysis reveals both traditional canonical texts and their authorial variations, and tells that folk poetics of archaic genres, used in writer's creative works, also has ethnographic context.

Key words and phrases: folklore; Yakut literature; Nikiforov; ritual poetry; fairy tale; paroemia; legends.